

Экстремизм и терроризм — понятия и значение

В последнее время в нашей стране все чаще стали говорить об «экстремизме», «политическом терроризме», трактуя это «как Бог пошлет», а чаще — как выгодно говорящему. Отчасти это вызвано беспокойством власти за свои (начавшиеся шататься) политические позиции, отчасти — желанием превентивно политически «уничтожить» возможных политических противников. Естественно, политика — не математика, и абсолютно точно выверенных определений тут ждать не

приходится. И все же — попробуем хоть немного разобраться.

Филологически слово «экстремизм» происходит от латинского «*extremus*» — «крайний». То есть в просторечии «экстремизм» — это система политических взглядов (и связанных с ними действий), находящихся «на краю», а чаще — вне пределов принятой в данном обществе «нормы» или (по утверждению использующего этот термин) — нарушающая принятые в обществе общие моральные стандарты. Отсюда ясно, что при таком «релятивистском» определении, скажем, в демократическом обществе, «экстремистами» будут называть тех, кто призывает к уничтожению этой политической демократии и замене ее на авторитарный или тоталитарный режим, а вот в тоталитарном или авторитарном (Freedom House: «Авторитарная Россия...») — скорее всего наоборот, призывающих к установлению (или восстановлению) демократии. Российская Федерация провозгласила себя демократическим государством, соблюдающим базовые демократические принципы, зафиксированные в международном праве, так что в «быту» этот термин должен был бы использоваться в первом смысле. Практика, правда, нередко показывает обратное.

Естественно, для юридического процесса подобное определение не слишком пригодно, так как оставляет слишком большой произвол для толкования. В странах с прецедентным правом (типа Великобритании), и, к тому же, с долгими демократическими традициями (она же) общее толкование было бы выработано судами, на основе установившихся прецедентов. В РФ, где все это, в общем-то, практически отсутствует, соответствующая попытка была сделана в статье 1 Федерального Закона 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Формулировка тут длинная (13 пунктов), но, несмотря на это — оставляющая лазейки для интерпретации, и, во многом, написанная не только (а возможно и не столько) с целью обеспечения максимальной реализации и максимальной защиты прав граждан, а, как представляется — с целью обеспечения «максимальной защиты» власти и представляющего ее интересы чиновничества от этих самых «надоедливых граждан». В частности, п. 12 этой статьи гласит, что к «экстремистской деятельности» относится «организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению». К сожалению — сравнительно малый объем накопленной судебной практики позволяет очень расширительно трактовать понятия «организация, подготовка, подстрекательство». Обычное выражение несогласия с политикой высокопоставленного

должностного лица при желании (а оно у властей присутствует весьма часто) можно проинтерпретировать как «подстрекательство к экстремизму» (несмотря на то, что государственные должности у нас отнюдь не пожизненные, и, тем более, не наследственные, и, по большому счету, государственные деятели и политики — всего лишь высокооплачиваемые слуги того самого народа, которому, по Конституции, принадлежит вся полнота власти в стране). То же самое — с пикетами, манифестациями, листовками и прочее. Как уже показывала практика (в частности — в Москве в конце мая) фактически происходит подмена понятий — любое несогласие (фундаментальное демократическое право, кстати, недаром в той же Великобритании говорят про «правительство ее Величества» и «оппозицию ее Величества») практически автоматически отождествляется с экстремизмом (или провокациями — в интерпретации О.Ю. Вершинина — Анискинское с/п, Щелковский район Московской области). Хотя это, как говорят в Одессе — «две большие разницы». Очень близкородственным «экстремизму» понятием является «терроризм» — недаром, именно «публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность» (п.2 этого же закона) является одним из признаков «экстремизма». Слово «террор» происходит от одноименного латинского слова (в буквальном переводе — «страх», «ужас» и обычно расшифровывается как «применение силы или угроза её применения в политических целях». Соответственно, «государственный террор» — метод, используемый властями страны, чтобы манипулировать общественным мнением, продвигая свои интересы (нацистская Германия, Кампучия времен Пол-Пота, «большой террор 1937-1938 гг. в СССР»), и «терроризм» — «политика, основанная на систематическом применении террора». Естественно, в методе (применение силы или угроза ее применения) терроризм сродни обычному бандитизму, который широко применяется при разделе собственности и прочих «разборках» (многие помнят достаточное количество примеров из «смутных 90-х»), разница только в целях — в случае терроризма они носят политический характер, и, чаще всего, являются реализацией некоторой (экстремистской) системы политических взглядов. И тут опять нередко наблюдается подмена понятий — выражение гражданами своего мнения (иногда даже радикального) «подгоняется» под понятия «терроризма» и «экстремизма». Образно говоря, даже скинхед, вышедший на манифестацию с лозунгом «русские тоже нуждаются в защите своих прав» или требующий расследования воображаемого инцидента, где он был «побит группой кавказцев» — ничего экстремистского и террористического не совершает, а пользуется своим правом на несогласие, протест и выражение мнения. Но тот же «скинхед» всех кавказцев в совсем другое традициях нашей не вышло») — можно и нельзя, бы надуманный когда его вовсе же события в Триумфальной последовавший за мирный митинг направленности в

требующий «порезать городке» — уже дело). Тем не менее, в власти («как бы чего запретить все, что найдя для этого хотя повод даже тогда, нет, как показали те конце мая на площади и этим абсолютно той же июне.